

Пушкарев Е.А.

кандидат юридических наук,  
ГУВД Краснодарского края,  
г. Краснодар

## РОССИЯ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОСУДИЕ: ПРОБЛЕМНЫЕ ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

---

---

**Аннотация:**

*Статья посвящена проблеме ратификации Российской статута Постоянного международного уголовного суда.*

**Ключевые слова:**

*Статут, правосудие, международный уголовный суд.*

---

---

Pushkarev E.A.

Candidate of Law,  
Police department of Krasnodar region,  
Krasnodar

## RUSSIAN AND INTERNATIONAL JUSTICE: PROBLEM COMMON GROUND

---

---

**The summary:**

*The article is devoted to Russia's ratification of the statute of the Permanent International Criminal Court.*

**Keywords:**

*Statute, justice, international criminal court.*

---

---

Работа над проектом статута Постоянного международного уголовного суда началась еще в 50-х гг. прошлого века, но была прервана по политическим мотивам. В 93 году Генеральная Ассамблея ООН поручила своей Комиссии по международному праву продолжить разработку статута. В июле 1998 г. в Риме состоялась конференция, участники которой одобрили и подписали статут, получивший название Римского. При этом статут международного суда не имеет обратной силы — его юрисдикции будут подлежать международные преступления, совершенные после 1 июля 2002 г. — даты официального вступления в силу Римского статута.

В настоящее время в соответствии со ст. 5 Статуса МУС прерогативой Суда являются такие преступления, как геноцид, преступления против человечности, военные преступления и агрессия (причем, само понятие «агрессия как преступление» еще не получило юридического определения, поэтому Суд пока не осуществляет юрисдикцию касательно агрессии). В тоже время в проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, принятом Комиссией международного права на своей 43-й сессии в 1991 г., к числу международных преступлений отнесены не только агрессия, но и угроза агрессии и интервенция, а также установление или сохранение силой колониального и иностранного господства, геноцид, апартеид, систематические или массовые нарушения прав человека (убийство, пытки, рабство, принудительный или насильственный труд, систематическое или массовое преследование по социальным, политическим, расистским, религиозным или культурным причинам, насильственная депортация населения); исключительно серьезные военные преступления; вербовка, использование, финансирование и обучение наемников; международный терроризм; незаконный перевоз наркотиков; преднамеренное нанесение ущерба окружающей среде. Но в принципе, через семь лет после вступления в силу Статута прерогатива может быть расширена (ч. 1 ст. 121). Уже сейчас ведутся дискуссии о том, чтобы добавить в Статут экологические преступления, компьютерные преступления, терроризм, распространение наркотиков и другие грубые нарушения норм международного права.

Следует отметить, что МУС функционирует на основе принципа дополнительности (комплиментарности), которая является центральной в общей концепции Международного уголовного суда. МУС не предназначен для замены национальных судов в осуществлении преследования за международные преступления [1; 1906]. Уже в Преамбуле Римского статута указывается, что Международный уголовный суд, учрежденный на основании настоящего Статута, дополняет национальные органы уголовной юстиции. МУС не обладает исключительной юрисдикцией или приоритетом по отношению к юрисдикции национальных судов, которой были наделены международные уголовные трибуналы по бывшей Югославии и Руанде, учрежденные Советом Безопасности согласно гл. VII Устава ООН. Новое судебное учреждение не имеет полномочий на то, чтобы на каком-либо этапе уголовного преследования, осуществляемого национальными судами, принять дело к своему производству. Это лишний раз подчеркивает, что основная роль в пресечении международных преступлений принадлежит национальной системе уголовной юстиции. Именно внутригосударственные органы призваны осуществлять преследование и наказание лиц, виновных в совершении преступлений, подпадающих под юрисдикцию Международного уголовного суда. Однако МУС может осуществлять преследование виновных, когда государство не желает либо не в состоянии этого сделать самостоятельно. В

этой связи криминализация преступлений, подпадающих под юрисдикцию МУС, имеет самое существенное значение, поскольку, с одной стороны, позволяет имплементировать договорные обязательства государств либо реализовать нормы международного обычного права в сфере пресечения международных преступлений, в борьбе с которыми проявляет заинтересованность все международное сообщество, с другой — дает возможность самому государству осуществить преследование геноцида, военных преступлений и т. д., сводя к минимуму ситуации, когда дело может быть согласно принципу дополнительности принято к производству МУС.

Следует констатировать, что в целом Статут МУС вселяет надежду на то, что к ответственности будут привлекать всех преступников, независимо от их государственной принадлежности. Однако политические реалии нашего времени свидетельствуют об обратном. По выражению А.И. Бойко вступивший в силу Статут МУС был встречен «от восторженных оценок со стороны государств, не обладающим большим политическим весом на международной арене и по справедливости надеющихся на защиту своих национальных интересов под крышей мировой юстиции, — до ядовитой, уничтожающей критики, большей частью идущей из-за океана, из страны, дотоле иницировавшей процесс ограничения (чужих!) суверенитетов под флагом борьбы за права и свободы человека и гражданина» [2; 192].

Интересно проанализировать позицию в отношении МУС Соединенных Штатов Америки, принимавшим активное участие в его создании, но так и не ратифицировавшим Статут. Фонд под свои амбиции США заложили еще при утверждении Римского статута в ч. 2 ст. 98, которая гласит, что МУС не может требовать передачи в свою юрисдикцию преступника от государства, где тот совершил преступления, если это «потребуется действий, не совместимых с его обязательствами по международным соглашениям», без согласия государства, направившего туда это лицо. Эта мина взорвалась спустя четыре года. Администрация Джорджа Буша 6 мая 2002 г. отозвала подпись из-под Римского статута, поставленную во время президентства Билла Клинтона. С тех пор Вашингтон практикует подписание двусторонних соглашений об иммунитете своих граждан от судебных преследований, связанных с участием в военно-полицейских зарубежных миссиях. Летом 2002 г. американское правительство стало жестко требовать заключения двусторонних соглашений о невыдаче американских граждан в юрисдикцию МУС. Не смотря на то, что предоставление такого иммунитета будет противоречить целям и задачам МУС, руководство ЕС тем не менее заявило, что входящие в Союз страны имеют право напрямую договариваться с США по вопросу предоставления иммунитета американским гражданам от преследований со стороны МУС, но при соблюдении следующих условий:

- иммунитет распространяется только на американских военных или официальных представителей, направленных за границу;
- граждане США, обвиняемые в военных преступлениях и преступлениях против человечности, будут предаваться суду на родине;
- отсутствие обоюдности, т.е. граждане членов ЕС взамен не получают иммунитета от преследований со стороны МУС.

США и Великобритания предприняли демарш и в Совете Безопасности ООН, где требовали принятия резолюции, дающей право Совету Безопасности отложить юрисдикцию МУСа в отношении персонала, вовлеченного в операции, санкционированные ООН. Действие этой резолюции должно возобновляться с 1 июля каждого последующего года. Сначала СБ ООН отказался принять это предложение США. Тем не менее, США жестко стояли на своем и для продавливания этой резолюции пошли на откровенный шантаж, наложив вето на возобновление работы миссии ООН в Боснии под предлогом беспокойства о своих солдатах-миротворцах, не защищенных от возможного привлечения к Международному суду. 12 июля 2002 г. СБ, вопреки мнению большинства членов ООН, принял американскую резолюцию. Приходится констатировать, что ее принятие противоречит основным принципам международного права, духу и букве Римского статута, а именно его ст. 16, регламентирующей взаимоотношения МУС и Совета Безопасности ООН, и подрывает основополагающий принцип универсальности МУС. Кроме того, принятие такой резолюции создало опасный прецедент, позволяющий Совету Безопасности ООН своей резолюцией изменять любой международный договор.

Таким образом США «волей международного сообщества» практически утвердили право самим и единолично назначать критерии «правды», самим принуждать и карать всех непокорных. В качестве дальнейшего средства продвижения агрессивной международной политики США 3 августа 2002 г. Дж. Бушем был подписан Закон о защите американских военнослужащих, получивший в международных кругах название «Закон о вторжении в Гаагу». Он разрешает использование силы для освобождения задержанных МУС американцев и «граждан союзных стран». Закон также запрещает предоставление военной помощи странам, которые отказываются от подписания двусторонних соглашений для исполнения ч. 2 ст. 98, если только эти стра-

ны не являются членами НАТО и не входят в число «привилегированных» союзников, или если президент США не сочтет, что продолжение военной помощи отвечает национальным интересам Америки. Закон также ограничивает участие американских военнослужащих в миротворческих операциях ООН.

К числу государств, подписавших, но не ратифицировавших Статут, относится Россия. Поскольку, в соответствии с ч. 1 ст. 125 Статута, он был открыт для подписания до 31 декабря 2000 г., после чего опоздавшие страны могли приобрести статус только присоединившегося к Статуту государства, а не его учредителя, многие государства, включая Россию, подписали этот документ в конце отпущенного срока, но не ратифицировали его, поскольку никаких временных пределов парафирования и последствий их несоблюдения Статут не предусматривает.

Одной из причин не ратификации Россией Статута можно назвать вплоть до последнего времени не разрешенный вооруженный конфликт в Чеченской республике. Запад неоднократно намекал, что не упустит возможность воспользоваться ратификацией против самой же России. Так, к примеру, в резолюции ПАСЕ 1323 (2003) по ситуации с правами человека в Чечне отмечалось: «Парламентская ассамблея... считает, что если не будут предприняты более активные усилия по привлечению к ответственности виновных в нарушениях прав человека, и что если в Чеченской республике будет сохраняться атмосфера безнаказанности, то международному сообществу следует рассмотреть возможность создания трибунала по военным преступлениям и преступлениям против человечества в Чеченской Республике; настоятельно призывает Россию безотлагательно ратифицировать Римский статут международного уголовного суда». Однако, как отмечает А.И. Бойко, «в равной мере опасна и задержка с ратификацией, поскольку мы можем сделать роковой шаг к самоизоляции в обновляющемся мире и тогда окажемся в положении... при архаичном статусе постоянного члена СБ ООН, полномочия которого диверсифицируются стремительно и в пользу свежих структур управления миром» [2; 206].

Следующие препятствия, как видится, выражаются в противоречии норм Статута и Конституции Российской Федерации. Эти противоречия прежде всего касаются лиц, иммунитет которых предусмотрен Конституцией РФ; передачи государством в юрисдикцию МУС граждан России по его запросу; вопросов помилования и амнистии; судопроизводства с участием суда присяжных заседателей.

Статья 27, ч. 1 Статута гласит: «Настоящий Статут применяется в равной мере ко всем лицам, без какого бы то ни было различия на основе должностного положения. В частности, должностное положение как главы государства или правительства, члена правительства или парламента, ... ни в коем случае не освобождает лицо от уголовной ответственности согласно настоящему Статуту и не является само по себе основанием для смягчения приговора». Часть 2 уточняет, что «Иммунитеты ..., которые могут быть связаны с должностным положением лица, будь то согласно национальному или международному праву, не должны препятствовать осуществлению Судом его юрисдикции в отношении такого лица». В то же время, как известно по Конституции РФ иммунитетом обладают: президент РФ (ст. 91), депутаты Государственной Думы РФ, члены Совета Федерации РФ — в течение всего срока их полномочий (ст. 98, ч. 1), федеральные судьи, в том числе и судьи Конституционного Суда РФ (ст. 122, ч. 1).

Статья 89 Римского Статута предусматривает, что «Суд может препроводить просьбу об аресте и передаче лица ... любому государству, на территории которого может находиться это лицо, и обращаться к этому государству с просьбой о сотрудничестве в производстве ареста и передаче такого лица». Однако ч. 1 ст. 61 Конституции РФ гласит: «Гражданин РФ не может быть выслан за пределы РФ или выдан другому государству». При этом путь преодоления этой коллизии предусмотрен самим Римским Статутом, в ст. 102 которого проводится различие между выдачей, запрещенной конституциями многих стран, и передачей. «Для целей настоящего Статута: «передача» означает доставку лица государством с Суд в соответствии с настоящим Статутом; «выдача» означает доставку лица одним государством в другое государство в соответствии с положениями международного договора, конвенции или национального законодательства».

В соответствии с п. (в) ст. 89 Конституции РФ Президент РФ «осуществляет помилование», а в соответствии с п. (е) ч. 1 ст. 103 прерогативой Государственной Думы РФ является «объявление амнистии». В то же время Римский Статут не предусматривает процедур ни помилования, ни амнистии. Ст. 110, ч. 1 Статута гласит: «Государство исполнения приговора не может освободить лицо до истечения срока наказания по приговору, вынесенному Судом».

Статья 39, ч. 2, п. (b) (II) Статута предусматривает, что «функции Судебной палаты осуществляются тремя судьями Судебного отделения». Таким образом, процесс в Суде не предусматривает возможности рассмотрения дел с участием присяжных заседателей. В то же время Конституция РФ предусматривает, что «Обвиняемый в совершении преступления имеет право

на рассмотрение его дела с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных федеральным законом» (ст. 47, ч. 2) и «в случаях, предусмотренных федеральным законом, судопроизводство осуществляется с участием присяжных заседателей» (ст. 123, ч. 4).

Обозначенные коллизии при ратификации Статута Россией безусловно будут трактоваться в пользу последнего, так как в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». Таким образом, Конституция России отдает приоритет международному праву и международным договорам, ратифицированным Россией. В этой связи, представляется, заслуживает поддержки точка зрения О.Ведерниковой, по выражению которой: 1) «в теории права концепция примата международного права отнюдь не является единственной и бесспорной, соседствуя с дуалистической концепцией и концепцией примата внутригосударственного права»; 2) «нормы международного права, регулирующие ответственность за наиболее тяжкие деяния, уже инкорпорируются в российское уголовное законодательство», и потому надобность в имплементации отсутствует; 3) «во избежание противоречий международного права Конституции РФ наша страна не должна брать на себя международные обязательства, противоречащие положениям Конституции»; 4) отличающиеся крайней неопределенностью положения Статута расширяют «юрисдикцию Суда до неограниченных пределов, предоставляя ему право выносить суждения не только об эффективности национальной системы правосудия, но и всего государства, его способности осуществлять судебную власть на собственной территории!»; 5) нормы Статута противоречат «принципу невмешательства во внутренние дела государства... Очевидно, что вынесение оценок государству и его судебной системе само по себе уже является вмешательством во внутренние дела государства, не говоря о возможности изъятия уголовных дел из юрисдикции национальных судебных органов, обладающих всей полнотой судебной власти на территории государства»; 6) если уж американцы подозрительно относятся к МУС, то «нашей стране следует опасаться пристрастной международной юстиции гораздо сильнее, чем американцам» [3; 12-14].

В целом следует отметить, что не ратификация Россией Статута в настоящее время не является окончательным и принципиальным решением. Россия, решая свои внутренние проблемы и беря курс на восстановление своих былых дружеских отношений с союзниками по СССР, только начинает возрождаться как держава, с которой будут считаться на международной арене. Пока же Россия, подвергшаяся тотальной либерализации своей исторической бытности, является лишь плацдармом для реализации национальных интересов стран Запада, и поспешная ратификация Статута лишь усугубит эту обстановку.

#### **Ссылки:**

1. The Rome Statute of the International Criminal Court - A Commentary // Cassese A., Gaeta P., Jones J. Oxford University Press. 2002.
2. Бойко А.И. Международный уголовный суд и современный миропорядок // Государственность и право славянских народов: состояние и перспективы развития. Тезисы докладов науч.-практ. конференции. Ростов-н/Д., 2004.
3. Ведерникова О. Международное уголовное право: проблемы имплементации // Уголовное право. 2003. № 3.

#### **References (transliterated):**

1. The Rome Statute of the International Criminal Court - A Commentary // Cassese A., Gaeta P., Jones J. Oxford University Press. 2002.
2. Boyko A.I. Mezhdunarodniy ugolovniy sud i sovremenniy miroponyadok // Gosudarstvennost' i pravo slavyanskikh narodov: sostoyanie i perspektivy razvitiya. Tezisy dokladov nauch.-prakt. konferentsii. Rostov-n/D., 2004.
3. Vedernikova O. Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo: problemy implementatsii // Ugolovnoe pravo. 2003. No. 3.